

“Наutilus Помпилиус” — легендарная группа в легендарном составе.

общий язык. Потом как-нибудь пошутить. Иногда не действует. Тогда в переговоры вступает бабушка или супруга. Они без предвзятости к этому относятся, им совершенно не важно, кто это пришел там — поклонники или просто пьяный сосед.

— Вы как-то говорили, что для вас семья важнее, чем все процессы, происходящие в жизни.

— Все, что близко нам, — это всегда более ценно, чем то, что находится в отдалении. Если мы находимся поблизости от этих людей, этих обстоятельств, значит, тут надо быть и на это нужно обращать внимание. Что искать-то, когда все есть?

— Из чего сейчас состоит ваша жизнь? — Ну, у меня стационарный образ жизни. Выездов меньше — такой фантомный андировочный характер. У меня есть мастерская на Пушкинской, там просто отдыхаю телом и душой. Дома я обычно занимаюсь семейными делами. Семейство довольно большое, во всей своей женской ипостаси, разных уровней возрастных и ментальных. То есть начиная с двухлетней Софы и заканчивая 70-летней бабушкой моей жены Анжелики.

— Что-то у вас все дочки?

— Ну, этот вопрос не ко мне.

— А к кому же?

— Я думаю, от нас вообще мало что зависит в этой жизни. Могу сказать только, что практика показывает: когда очень хочешь, например, сына, если родится дочка, она обязательно будет с бойким характером. А если хочешь дочку, а родится сын, он обязательно будет более-менее спокойный.

— Из трех дочерей есть какая-нибудь с боевым характером?

— Младшая — да.

— Значит, хотели уже сына?

— Ну я почти уверен был! Почему-то. Там в животе такие перипетии происходили, и практически не было сомнений, что родится мальчик.

— Наверное, вы очень разочаровались, когда узнали, что опять девочка.

— Ничего подобного. Мы уже были готовы. И это не имеет никакого значения. Есть еще народное поверье, что мальчики к суровым событиям рождаются, а девочки — к мирным.

ПЛАСТИЛИНОВЫЙ ЕЖИК

— Дома рок-звезда ведет себя так же, как обычный человек?

— Ну, рок-звезда — это же штамп всего лишь. На лбу же его не будешь носить. Это просто такой элемент общественного мнения. А так в принципе все люди как люди. Каждый просто занимается своим делом. — Ну а вы можете, например, пол пропылесосить? Или у вас есть какая-нибудь домработница? Хотя, если столько женщин в доме, домработница, наверное, не требуется.

— Нет, домработница — это удобно. С точки зрения новой экономики — это рабочее место. Ты можешь не тратить на это время, если не хочется. Хотя я считаю, что трудотерапия — это полезная вещь. В том смысле, чтобы приобрести иногда нормальное состояние покоя. Такая медитация своего рода. Физическая.

— Вы что, интересуетесь восточными религиями?

— Нет, я на редкость непьющий человек. Вполне возможно, что я на каком-нибудь возрастном уровне начну интересоваться чем-нибудь подобным. Но я ленивый в этом смысле.

— Когда-то вы побрились наголо, и я почему-то подумала, что из-за увлечения буддизмом. Так что это было: обыкновенное желание сменить имидж?

— Нет. Это желание может возникнуть у любого человека. Иногда это исходит исключительно из причин физиологического уровня. Хочется, например, летом как-то облегчить или просто провентилировать голову. Такая внутренняя потребность, и не обязательно ее расшифровывать.

— А потом вы еще зачем-то покрасили волосы в белый цвет.

— Это все цепная реакция. Я был в ужасе и нетерпении, когда же эти волосы

отрастут. Когда у меня появился такой пластилиновый ежик, я решил все изменить. И мне предложили перигидратом каким-то это все... Так что я попробовал один раз и понял, насколько терпеливы вообще женщины, которые ходят в парикмахерские салоны и делают эти операции систематически. Я вообще считаю, что самый нормальный имидж — когда просто поддерживаешь форму. А вот когда ведешь развязный образ жизни — то есть позволяешь себе пить, курить, гулять и предаваться, — тогда нужно заниматься имиджем.

— Ну в молодости-то вы, наверное, предавались по полной.

— Молодость — это такой аванс или кредит, который необходимо использовать с толком. Я не уверен, что с толком и с расстановкой его использовал. Во все стороны щедро разбрасывался.

— То есть вам кажется, что вы могли бы и в творческом плане большего достичь?

— Конечно. Вместо того чтобы болеть душой, можно было в это время заниматься чем-нибудь, а не страдать, не мучиться, не заниматься самобичеванием.

НЕФОРМАТНЫЕ МИФЫ

— Давно, когда ваша песня “Я хочу быть с тобой” была очень популярна, про нее рассказывали всякие истории. Что у вас действительно была такая в жизни трагедия — девушка погибла на пожаре, и что существовала какая-то цензурная версия этой песни и вы исполняли ее исключительно со слезами на глазах... Есть среди этих рассказов хоть доля правды?

— Все это мифы. На уровне сплетен. Они, видимо, необходимы. Люди дополняют, детали какие-то привносят. Поэтому миф и живет. А если перевести все на прозаичный уровень, рассказать, как все происходило, это мало кому понравится. Начать с того, что текст написан Ильей Кормильцевым (автор практически всех текстов песен “Наutilus Помпилиуса”. — “МКБ”), и соответственно в прямолинейном смысле пережил что-то он. Кроме того, по тем временам песня была довольно сомнительная. Используя современные термины — неформатная. Вот в этом смысле мы огрели, конечно, много орехов.

— Так что, у Кормильцева был в жизни такой трагический случай?

— Это надо с ним переговорить, я могу предполагать какие-то вещи, но точно не скажу. Хотя художнику, которым, несомненно, является Илья Кормильцев, присуще гипертрофировать ситуацию в момент переживания. Это гротеск все-таки. Так что не знаю, как на самом деле все происходило. У всех у нас в жизни была какая-то трагическая любовь и так далее.

— Кормильцев сейчас что-нибудь пишет для вас?

— Сейчас он своим занимается, а я своим. Мы поддерживаем исключительно человеческие, приятельские отношения. И то

редко. У него семья. Он то в Москве, то в Минске. Дочка родилась опять же. Илья — полиглот, который знает порядка десятка языков. Он всегда искал возможность себя проявить в переводческой и литературной деятельности. Он сотрудничает с научными журналами, просто книги какие-то переводит, сам пишет.

— Вы даже иллюстрировали сборник его стихов. Сейчас вы рисуете?

— Рисую, да. В иллюстрации весь мой опыт складывается из рисунков к книжке Кормильцева и к юбилейной книге “Машины времени”, где половину нарисовал Макаревич, а половину я. Такое хорошее издание к 25-летию группы. И еще большую папку своих рисунков, порядка ста листов, я подарил на день рождения Борису Гребенщикову. Но он так эти рисунки законспирировал, что, я боюсь, мы их больше никогда не увидим. Живопись меня мало привлекала, так же, как скульптура. А графика мне нравилась, потому что там особой возни не надо. Сел, взял перо, и можно черкать сразу. Удобно в смысле передвижническом.

— Поэтому-то вы получили образование архитектора?

— Конечно, там приходилось заниматься больше графикой, но в институте и рисунком, и живописью, и скульптурой, и историей искусства были обязательными предметами. А вообще у нас там очень хорошая была тусовка.

ДРОВА ДЛЯ ШОУ-БИЗНЕСА

— Именно в Архитектурном институте, вроде бы даже на картошке, вы познакомились с Дмитрием Умещиным. Говорят, что только благодаря ему и образовался “Наutilus Помпилиус”. То есть он вас заставлял все время что-то делать?

— В принципе да. То есть изначально такой цели не ставили — сделать из нашего увлечения музыкой такой механизм. Поначалу это казалось просто развлечением, игрой. И тогда это было очень уместно. Когда уходил из семьи и попадаешь в более открытую, более масштабную атмосферу — это очень хороший момент, но он чреват эйфорией такой, из которой очень тяжело выходить потом. То есть когда произошло распределение, я был восемь месяцев безработным. Потом поступил на службу в Уралгипротранс в архитектурный отдел, который занимался проектированием метро в Свердловске.

— А что там спроектировано лично вами?

— Нет, там коллективное творчество так называется. И пока художественный проект проходил через всякие там конструкторские и сметные отделы, от него практически ничего не оставалось. Получалось, что целые институты работали непонятно над чем целыми годами. Все эти малахит-позолоты, которые проектировались по определенным идеологическим понятиям, потом постепенно отсеивались.